

На правах рукописи

АКОПЯН Павел Арменович

**АРМЯНСКОЕ ИСТОРИОПИСАНИЕ В V-VII ВВ.:
ВОЗНИКНОВЕНИЕ, РАЗВИТИЕ И СПЕЦИФИКА**

Специальность 07.00.03 – всеобщая история
(история древнего мира)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Белгород – 2016

Работа выполнена на кафедре истории средневековых цивилизаций Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Научный руководитель	Ващева Ирина Юрьевна доктор исторических наук, доцент кафедры истории средневековых цивилизаций
Официальные оппоненты	Тюленев Владимир Михайлович доктор исторических наук, профессор кафедр ры всеобщей истории и международных от- ношений ФГБОУ ВПО «Ивановский государ- ственный университет» Денисова Ирина Викторовна кандидат исторических наук, заведующая музеем истории ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный националь- ный исследовательский университет»
Ведущая организация	Институт всеобщей истории РАН

Защита состоится 12 мая 2016 г. в 16.00 часов на заседании Диссертационного совета Д 212.015.11 при ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ») по адресу: 308007, г. Белгород, ул. Студенческая, 14, зал заседаний Ученого совета, ауд. 260.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ»).

Текст автореферата размещен на официальном сайте ВАК РФ <http://vak2.ed.gov.ru/> и на официальном сайте ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» <http://www.bsu.edu.ru>

Автореферат разослан «   » марта 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук,
доцент

И.Т. Шатохин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Исторические воззрения, понимание собственного прошлого и настоящего в неразрывной связи друг с другом являются неизменным элементом не только человеческого сознания, но и общим критерием самой исторической эпохи, ее ценностей и идей. Исторические представления также отражают стремление их носителей осознать свое собственное место в картине универсального исторического движения. Для создания целостной картины истории армянской исторической мысли особенно значимым оказывается обращение к ключевым моментам этого процесса, к периодам, когда происходит рождение новых подходов к объяснению прошлого, новых литературных форм, в которые облекается историческая мысль. Одна из революций в истории исторической мысли связана с появлением христианства. Важнейшим этапом и, своего рода, знаком утверждения христианской философии истории в армянской культурной среде является появление первых исторических сочинений, вышедших из-под пера армянских христианских интеллектуалов. Рождение христианской армянской историографии в V в. не только было свидетельством появления качественно нового для армянской культуры осознания исторического опыта человечества, но и отражала те культурно-исторические процессы, которые определяли существование армянского народа в сложившихся исторических условиях. Будучи тесно связанной с античной историографией и развивающейся христианской исторической мыслью средиземноморской ойкумены, армянская историография V–VII вв., по праву, может рассматриваться в качестве связующего звена между двумя культурными традициями. В этом контексте изучение христианского армянского историописания становится особо актуальным.

Кроме того, в исторической науке традиционными проблемами для изучения становились вопросы экономической, социальной и политической истории. Однако в последнее время внимание и интерес исследователей все более сосредотачивается на изучении духовной истории, проблеме исторической памяти, формировании представлений о прошлом в разных культурах¹.

---

¹ Список исследований по этой проблематике обширен. Из внушительного списка приведем лишь некоторые: *Bilig M. Collective Memory, Ideology and the British Royal Family // Collective Remembering / Ed. by D. Middleton, D. Edwards. L.: Sage Publications, 1990. P. 60-80; Bodnar J. Remaking America: Public Memory, Commemoration and Patriotism in the Twentieth Century. Princeton: Princeton University Press, 1992; Confino A. Collective Memory and Cultural History: Problems of Method // American Historical Review. 1997. P. 1386-1403; Connerton P. How Societies Remember. Cambridge: Cambridge University Press, 1989; Conway M.A. The Inventory of Experience: Memory and Identity // Collective Memory of Political Events: Social Psychological Perspectives / Ed. by J.W. Pennebaker, D. Paez, B. Rime Mahwah. N.Y.: Lawrence Erlbaum Associates, 1997. P. 21-45; Halbwachs M. On Collective Memory / Edited, translated and with introduction by L.A. Coser. Chicago: University of Chicago Press, 1992; Olick J.K. Collective Memory: The Two Cultures // Sociological Theory. 1999. Vol. 17. No. 3. P. 333-348; Le Goff J. History and Memory. N.Y.: Columbia University Press, 1992; Mendels Memory in Jewish, Pagan and Christian Societies of the Graeco-Roman World. L.–N.Y.: T&T Clark International, 2004; Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. В 2-х тт. Т. 1. Конструирование прошлого. СПб.: Наука, 2003; Ретина Л.П. Интеллектуальные традиции античности и средневековья. М.: Кругъ, 2010 и др.*

Вместе с тем, процесс изучения (по крайней мере, среди отечественных исследователей) позднеантичной, в особенности армянской исторической мысли все еще находится на этапе своего становления. Работы, посвященные первым армянским историкам-писателям по своему количеству заметно уступают как трудам по античной, так и научным исследованиям по византийской традиции историописания. Академический аспект актуальности темы связан в первую очередь с вопросами изучения и характеристики мировоззренческих установок авторов армянских «Историй» V–VII вв. Ввиду расширения и обогащения имеющихся знаний, в том числе и за счет появления новых методологических подходов, представляется своевременной и научно оправданной попытка рассмотрения специфики исторической мысли армян V–VII вв. Анализ трудов первых армянских историков осуществляется в разрыве от принципов фактографической истории, придающей принципиальное значение различению «подлинных» и «вымышленных» фактов. Для нас первостепенное значение приобретает актуальность того или иного события (образа) прошлого. Такой подход, по нашему мнению, будет способствовать углублению знаний о внутренней специфике армянской историографии периода зарождения и постепенного становления.

Степень изученности проблемы. Несмотря на то, что исследовательский интерес к отдельным армянским христианским историкам начал проявляться еще в XVIII веке, изучение армянской исторической мысли V–VII вв. в целом и ее специфики и особенностей не становились предметом исследования среди специалистов-арменологов. Научный опыт, который накоплен в современной арменистике по заявленной проблеме, отражает, прежде всего, процессы критического изучения отдельных текстов армянских авторов, анализ биографических подробностей жизни историков (К. Тер-Давтян, П. Хачатрян, Г. Винклер, П. Ананян, А. Аннинский, А. Периханян, М. Абегиан, К. Конибир, Ст. Малхьяснц, Г. Абгарян, Я. Манандян, Дж. Ховард-Джонсон и др.)², рассмотрение источниковой базы сочинений армянских мыслителей (А. Тер-Гевондян, А. Гутшмид, Н. Марр, Н. Акинян, Б. Саргисян, М. Абегиан, Ж. Гарриг, Р. Томсон, М. ванн Эсброк, П. Мурадян, А. Мушегиан, Л. Хачикян, Х. Норман, Н. Гарсоян, К. Паткян, А. Кариер, и др.)³, а также вопросы, свя-

² Аннинский А. Древние армянские историки как исторические источники. Одесса, 1899; Тер-Давтян К. Из источников «Мученичества Рипсимэ и спутниц» редакции Агатангелоса // Армянская литература и христианство. Ереван: Наири, 2002; Conybeare C.F. The Date of Moses Khoren // Conybeare C.F. The Armenian Church. Heritage and Identity. New York, 2001. P. 867-879; Howard-Johnston J. Armenian Historians of Heraclius: An Examination of the Aims Sources and Working Methods of Sebeos and Movses Daskhurantsi // The Reign of Heraclius (610-641): Crisis and Confrontation / ed. G.J. Reinink, B.H. Stolte. Leuven: Peeters, 2002. P. 41-62; Howard-Johnston J. Witnesses to a World Crisis. Historians and Histories of the Middle East in the Seventh Century. Oxford: Oxford University Press, 2010; Winkler G. Our Present Knowledge of the History of Agat'angelos and its Oriental Versions // Revue des etudes arméniennes. 1980. No. 14. P. 125-141; Winkler G. Some extraordinary features in the Teaching of S. Gregory (Agathangeli Historia) // Acta Jutlandica. 1982. No. 56. P. 101-112; The Armenian History attributed to Sebeos / Transl. with notes by R.W. Thomson. Hist. comm. by J. Howard-Johnston, T. Greenwood. Liverpool: Liverpool Univ. Press, 1999.

³ Абегиан М.Х. История древнеармянской литературы. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1975; Манандян Я.А. Начальная история Армении Маар-Абаса // Палестинский сборник. 1956. №2. С. 64-65; Тер-Гевондян А. Изучение и использование арабских источников в арменоведении // Collected articles. 2003. №3. С. 617-642;

занные с культурными, социально-экономическими, политическими и религиозными аспектами жизни армян V–VII столетий (Дж. Бьюри, Ш. Диль, Ю. Кулаковский, А. Васильев, Н. Адонц, Г. Халатянц, Е. Беляев, Н. Пигулевская, М. Хиггинс, Э. Хонигман, А. Христенсен, Э. Хуршудян, Э. Даниелян, В. Арутюнова-Фиданян, Дж. Гуайта, К. Шагинян и др.)⁴. В целом, можно констатировать, что в изучении текстов армянских «Историй» преобладали принципы фактографического подхода.

Корпус исторических текстов армянских авторов V–VII вв. достаточно хорошо сохранился и представляет собой вполне удобную и компактную для анализа группу. При всей своей исторической важности армянское историописание в целом до сих пор остается в числе малоизученных проблем в современной арменистике. Необходимо отметить, что очень небольшое внимание в историографии уделено вопросам изучения исторических концепций, на основе которых армянские мыслители выстраивали свою историческую аргументацию, и на основе которой конструировали историческое повествование. Остаются вне поля зрения проблема жанровой принадлежности первых армянских «Историй», концептуальные особенности сочинений, модели и способы интерпретации прошлого, способы организации материала и особенности структуры текстов. В основном в научной литературе накоплен большой опыт критического изучения позднеантичных армянских исторических сочинений, достигнуты серьезные результаты в изучении культуры, социально-экономических, общественно-политических отношений в Армении в V–VII вв. Однако эти работы, построенные, в свою очередь, на глубоком анализе исторических трудов, не раскрывают специфики армянской исторической мысли, особенности формирования исторической традиции народа

Carriere A. Nouvelles sources de Moise de Khoren, etudes critiques. – Vienne: imprimerie des Mechitharistes, 1893; *Esbroeck M. van.* Agathangelos // *Rivista di Archeologia Christiana*. 1985. No. 5. P. 239-248; *Garsoian N.G.* Iran and Caucasus // *Transcaucasia: Nationalism and Social Change. Essays in the history of Armenia, Azerbaijan and Georgia* / Ed. Ronald G. Suny. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1983. P. 2-17; *Garsoian N.G.* Prolegomena to a Study of Iranian Aspects in Arsacid Armenia // *Handes Amsorya*. 1976. Vol. XC. P. 177-234; *Garsoian N.G.* The Marzpanate // *The Armenian People from Ancient to Modern Times. Vol. I* / Ed. R. G. Hovannisian. Houndmills; L., 1997. P. 95–115; *Gutschmid A.* Über die Glaubwürdigkeit der armenischen Geschichte des Moses von Khoren. Lpz., 1876; *Thomson R.W.* Armenia (400-600) // *The Cambridge History of the Byzantine Empire (500-1492)* / Ed. J. Shepard. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 156-172; *Thomson R.W.* Armenia in the fifth and sixth century // *Cambridge Ancient History. Vol. XIV. Late Antiquity: Empire and Successors, A.D. 425-600* / Ed. A. Cameron, B. Ward-Perkins, M. Whitby. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 662-678; *Thomson R.W.* Biblical Themes in the Armenian Historian Sebeos // *After Bardaisan. Studies on Continuity and Change in Syriac Christianity in Honour of Professor J.W. Drijvers* / Ed. G. J. Reinink, A. C. Klugkist. Leuven, 1999. P. 295–302; *Thomson R.W.* The fathers in Early Armenian Literature // *Studia Patristica*. 1975. Vol. 12. P. 457-470; *Thomson R.W.* *Studies in Armenian Literature and Christianity*. L.: Variorum, 1994. 322 p.

⁴ См., например, *Bury J.* History of the later Roman Empire from Arcadius to Irene (395-800). I-II. – London, 1889; *Шагинян А.К.* Армения и страны Южного Кавказа в VII-IX: армянское самоуправление в условиях византийской и арабской власти: автореферат дис. ... д.и.н. СПб., 2009; *Шагинян А.К.* Армения и страны Южного Кавказа в условия византийско-иранской и арабской власти. СПб.: Алетейя, 2011; *Арутюнова-Фиданян В.А.* Армяно-византийская контактная зона (X-XI вв.). Результаты взаимодействия культур. М.: Наука, 1994; *Арутюнова-Фиданян В.А.* Политогенез и устная традиция: Аршакидское царство (конец II – первая половина V вв.) и «Бузандаран» // *Восточная Европа в древности и средневековье: Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. XXIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пащуто*. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 14-17; *Арутюнова-Фиданян В.А.* Родовое предание и ранняя историография: механизмы взаимодействия / *Восточная Европа в древности и средневековье*. М., 2001. С. 20-32.

через призму легендарного прошлого, событий современности. В отечественной и зарубежной историографии существуют многочисленные исследования, посвященные отдельным армянским историкам указанного времени или же их авторским сочинениям. Вместе с тем, содержательная сторона и этих работ не позволяет в силу их однородности и узкой проблематики придать данным исследовательским работам статус обобщающих трудов, в которых был бы представлен анализ армянской историографической традиции V–VII вв. в целом.

Объектом настоящего исследования является ранняя армянская историография, а именно исторические сочинения группы армянских христианских авторов V–VII веков (Агатангехоса, Павстоса Бузанда, Егише, Мовсеса Хоренаци, Лазаря Парпеци, Себеоса). **Предмет** исследования составляют характерные черты, жанровые, концептуальные и др. особенности всего комплекса исторических сочинений армян V–VII веков, а также отражение в трудах армянских авторов исторического сознания.

Источниковую базу диссертационного исследования составляют шесть исторических сочинений армянских христианских авторов V–VII веков: «История Армении» Агатангехоса⁵, «История Армении» Павстоса Бузанда⁶, «Слово о войне Армянской» Егише⁷, «История Армении» Лазаря Парпеци⁸, «История Армении» Мовсеса Хоренаци⁹ и «История императора Иракла» Себеоса¹⁰. На примере этих исторических произведений можно ис-

⁵ Մատենադարանի ձեռագրերի ցանկ: 1) ՄՄ3782 (ԺԲ դ.); 2) ՄՄ1912(1220թ.); 3) ՄՄ1479 (1293թ.); 4) ՄՄ1481 (1261թ.); 5) ՄՄ1881 (ԺԷ դ.); 6) ՄՄ993 (1456 թ.); 7) ՄՄ1525 (ԺԳ դ.); 8) ՄՄ3787 (ԺԴ դ.); 9) ՄՄ3797 (ԺԵ դ.); 10) ՄՄ 1524 (1402թ.); 11) ՄՄ942 (1478թ.); 12) ՄՄ3791 (1453); 13) ՄՄ1523 (ԺԵ դ); 14) ՄՄ 1730 (ԺԷ դ); 15) ՄՄ1920 (1569թ.); 16) ՄՄ 2639 (1672թ.); 17) ՄՄ1863 (1668թ.); 18) ՄՄ1482 (1676-1678թթ.); 19) ՄՄ3306 (1692թ.); 20) ՄՄ1458 (1705թ.); 21) ՄՄ3305 (1714թ.); 22) ՄՄ 3516 (ԺԸ դ.)

⁶ Մատենադարանի ձեռագրերի ցանկ: 1) ՄՄ 1867, (1622 թիվ); 2) ՄՄ 3071 (1657 թիվ); 3) ՄՄ 4584 (1668 թիվ); 4) ՄՄ 1482 (1678 թիվ); 5) ՄՄ 3079 (1700-30-ական թթ.); 6) ՄՄ 6321 (1624 թ, թերի օրինակ); 7) ՄՄ 6554 (ԺԸ դար, թերի օրինակ); 8) ՄՄ 2748 (1624 թիվ, հատվածական ընդօրինակություն); 9) ՄՄ 1862 (1641 թիվ, հատվածական ընդօրինակություն); 10) ՄՄ 7029 (1654 թիվ, հատվածական ընդօրինակություն); 11) ՄՄ 3965 (1624-ից հետո, 1684-ից առաջ, հատվածական ընդօրինակություն); 12) ՄՄ 8344 (ԺԷ դար, հատվածական ընդօրինակություն); 13) ՄՄ 6096, (1701 թիվ, հատվածական ընդօրինակություն).

⁷ Մատենադարանում գտնվող ձեռագրերի ցանկ: 1) ՄՄ1890 (1174թ.); 2) ՄՄ1888 (1207թ.); 3) ՄՄ4809 (1310 թ.); 4) ՄՄ1886 (14-րդ դար); 5) ՄՄ1920 (1569թ.); 6) ՄՄ2559 (15-16րդ.); 7) ՄՄ1882 (1619թ.); 8) ՄՄ1862 (1641թ.); 9) ՄՄ1404 (1664թ.); 10) ՄՄ2639 (1672թ.); 11) ՄՄ1889 (1675թ.); 12) ՄՄ1482 (1678թ.); 13) ՄՄ4351 (1689թ.); 14) ՄՄ4584 (1668թ.).

⁸ Մատենադարանի ձեռագրերի ցանկ: 1) ՄՄ2634 (1672); 2) ՄՄ1891 (1774); 3) ՄՄ993-(1456); 4) ՄՄ4803-(ԺԵ դ); 5) ՄՄ8917-(ԺԷ դ.); 6) ՄՄ2639-(Թուղ առ Վահան Մամիկենեան); 7) ՄՄ1891 (նույն) ը; 8) ՄՄ պ.993 (1456 թ); 9) ՄՄ պ.4803 (ԺԵ դ); 10) ՄՄ պ. 8917 (ԺԷ դ.); 11) ՄՄ պ.2639-1672 թ.; 12) ՄՄ պ.2622 (1804-1856 թթ); 13) ՄՄ պ. 2628 (1823-1825 թթ).

⁹ Մատենադարանի ձեռագրերի ցանկ: 1) ՄՄ 2865 (13-14 դդ.); 2) ՄՄ 6354 – ժողովածու է՝ գրված տարբեր ժամանակներում տարբեր գրիչների կողմից, ընդգրկում է նաև Մովսես Խորենացու *Հայոց պատմությունը* (?ԺԶ դ); 3) ՄՄ 3655 (ԺԷ դար); 4) ՄՄ 4351 (ՌՃԼԸ թ.); 5) ՄՄ պ. 1296 (Ժ-ԺԱ դար); 6) ՄՄպ. 1385 (ԺԴ դար); 7) ՄՄպ. 1221; 8) ՄՄ պ. 10906 (Թ-Ժ դդ.); 9) ՄՄ պ. 1376 (Կարող է թվագրվել Ժ-ԺԱ դդ.); 10) ՄՄ պ. 1875 (հնարավոր է Ժ դ.); 11) ՄՄ պ. 314 (Ժ-ԺԱ դդ.); 12) ՄՄ պ. 1411 (Ժ-ԺԱ դդ.).

¹⁰ Մատենադարանի ձեռագրերի ցանկ: 1) ՄՄ 2639 (Մերեխի Պատմութեան մեզ հասած ամենահին ձեռագիրն է, 1672 թ.); 2) ՄՄ 6454 (ճշգրտի թվական հայտնի չէ, ենթադրվում է, որ գրվել է 1849թ-ից

следовать представления армян V–VII вв. о собственном прошлом. «Истории» армянских авторов интересуют диссертанта не в качестве отдельных нарративных текстов, но в контексте развития самой армянской историографической традиции V–VII вв. Выделенные истории-тексты, как носители информации о прошлом армянского народа, как часть их духовной культуры, прежде всего, рассмотрены как объекты исторического анализа.

Кроме основных армянских письменных источников для исследования были привлечены дополнительные. Среди них назовем, прежде всего, ветхозаветные и новозаветные сочинения, «*Книги Маккавеев*», важнейшие источники по истории иудаизма и еврейского народа в дохристианский период, синоптические *Евангелия (от Матфея, от Луки)*. Из более поздних произведений выделим экзегетическое сочинение Ипполита Римского «Толкование на книгу пророка Даниила». Поскольку армянская историографическая традиция отражала в себе принципы и техники историописания переходной эпохи, были рассмотрены не только отдельные образцы античного историографического наследия, но и взгляды на историю представителей византийской церковной историографии, латинских христианских авторов позднеантичного периода. Особую значимость в качестве исторических источников представляют для нас сочинения античных (*Страбона, Полибия, Иосифа Флавия*) и христианских авторов (*Евсевия Кесарийского, Эрмия Созомена, Павла Орозия*). Определение своеобразия и уникальности исторического труда Себеоса заставляет нас обратиться к «*Пасхальной хронике*», а также к «*Хронике*» *Иоанна Никитского*.

Таким образом, источников вполне достаточно для решения задач исследования.

В хронологическом отношении данная работа охватывает период V–VII вв. Выбор нижней хронологической рамки напрямую связан с заявленным предметом исследования. В самом начале V в. выдающимся просветителем Месропом Маштоцем (362–440 гг.) был создан армянский алфавит. На это же время падает и появление многожанровой письменной литературы, в том числе историографии. Верхней хронологической рамкой исследования стал VII век. Это время соотносится со временем жизни армянского историка Себеоса, автора «Истории императора Иракла», подробно описавшего период господства в Армении Сасанидов до ее завоевания арабами. В мировой науке ныне концом античности считается середина VII в.

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы на основе обширного фактического материала проанализировать опыт и традиции историописания в Армении в позднеантичный период, вскрыть особенности и тенденции развития исторической мысли армян, рассмотреть представления армянских историков V–VII вв. о собственном прошлом.

հետո, 1850-1852 թթ. ընթացքում, արտագրվել է ՄՄ 2639 ձեռագրից); 3) ՄՄ 2935 (1850 թ.); 4) ՄՄ 2867 (էնթադրվում է՝ 1850-1852 թթ.); 5) ՄՄ 3122 (1852 թ.).

Задачи исследования подчинены идее воссоздания научно обоснованной картины генезиса и становления армянской исторической мысли. Для реализации поставленной цели требуется решение ряда исследовательских задач:

1. выделить ведущие тенденции развития современной историографии и основные дискуссионные вопросы, относящиеся к теме исследования;

2. собрать и проанализировать данные письменных армянских источников V–VII вв., отражающих историческое прошлое Армении («Истории» Агатангехоса, Павстоса Бузанда, Лазаря Парпеци, Мовсеса Хоренаци, Себеоса), рассмотреть исторические взгляды каждого из авторов;

3. определить жанровую специфику и своеобразие комплекса выбранных письменных памятников, что позволяет увидеть ключевые направления поисков христианами мыслителями литературных форм и моделей для изложения исторического прошлого и настоящего;

4. провести анализ семантических и прагматических параметров сочинений армянских авторов, оценив выбор предмета исторического повествования, проанализировав пространственно-временную ориентацию «Историй», а также общие теоретические установки авторов, функции и роль нарративных текстов;

5. установить связи внутри самого комплекса армянских исторических сочинений, иными словами, проследить эволюцию армянской христианской историографии на протяжении начального периода ее существования.

Научная новизна исследования состоит в том, что сам процесс становления армянской историографии V–VII вв. в целом, ее особенности и специфика не являлись ранее предметом специального научного исследования. Произведения авторов-классиков армянской духовной культуры (Агатангехоса, Павстоса Бузанда, Егише, Лазаря Парпеци, Мовсеса Хоренаци, Себеоса) интересовали исследователей, главным образом, через призму проблем, связанных с проблемами авторства сочинений, датировки трудов, а также как источники сведений о событиях политической, церковной жизни армян античного и христианского прошлого и настоящего. Вопросы рассмотрения исторических произведений армянских историков-писателей, раскрывающих мировоззрение авторов, не находили должного внимания среди специалистов. Такой подход, затрагивающий проблемы, связанные с повествовательными структурами текста, мировоззрением и мировосприятием древних и средневековых авторов, не получил должного распространения в отношении историографического наследия армянских писателей V–VII вв. Данный аспект диссертационной работы определяется комплексным подходом к рассмотрению историографического наследия армянских писателей V–VII вв., а также тем, что в работе:

1. впервые исторические сочинения армянских историков-писателей V–VII вв. исследованы с новых методологических подходов, развиваемых в рамках «новой культурно-интеллектуальной истории», которая сосредотачи-

вадет внимание на специфических для конкретного социума и исторического периода способах трансляции знаний и идей;

2. впервые в отечественной и мировой историографии структурированы исторические взгляды и представления армянских христианских историков V–VII вв. о прошлом собственного народа;

3. впервые ставится вопрос о жанровых особенностях сочинений христианских армянских историков и предлагается один из вариантов его решения; пересматриваются типологические особенности исторических произведений армян, и по-новому определяются критерии их жанровой принадлежности на основе выявления в текстах «Историй» признаков и характерных черт античной и общехристианской литературы;

4. впервые предпринимается попытка анализа внутреннего устройства повествований армянских историков, методов структурирования и организации текстового пространства;

5. впервые выявляется общее и особенное в выборе армянскими авторами предмета исторического нарратива, методики анализа событий, пространственно-временной картины прошлого, социальных функций исторических сочинений, а также приемов и способов конструирования повествовательного текста.

Теоретико-методологическая основа исследования. Методология и методика исследования находятся в соответствии с принятыми в современной исторической науке положениями о познании сложных социокультурных реалий прошлого, в том числе, сохраняющего фундаментальное значение для всех гуманитарных наук принципа историзма. В настоящее время не существует универсальной теории, претендующей на обобщение всей той обширной массы фактов и наблюдений, которые сделали ученые в рамках исследования исторических представлений и образов прошлого у носителей древних культур.

В работе использованы основные достижения современных методологических подходов, развиваемые в рамках такового направления, как «новая культурно-интеллектуальная история». На протяжении 2-й пол. XX – начала XXI вв. определился круг «классических» научно-теоретических трудов, связанных с проблематикой данного подхода (в их числе исследования М. Хальбвакса, Я. Ассмана, Р. Козеллека, П. Нора, Ф. Артога, Я. Зерубавеля и др.)¹¹, авторы которых подчеркивали ключевое значение индивидуальных и коллективных образов прошлого в процессе социокультурной идентификации. Научный опыт, достигнутый этими авторами в сфере изучения образов прошлого, позволяет реализовать эвристический потенциал этих практик на примере нашей проблематики и сосредоточиться на вопросах о том, что пом-

¹¹ *Halbwachs M.* The Collective Memory. NY., 1950; *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004; *Nora P.* Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire // Representations. 1989. Vol. 26. P. 7-24; *Зерубавель Я.* Динамика коллективной памяти // Империя и нация в зеркале исторической памяти: Сборник статей. М.: Новое издательство, 2011. С. 10-29; *Нора П.* Проблематика мест памяти // Франция – память. СПб.: СПбГУ, 1999. С. 17–50 и др.

нят о каких-либо исторических событиях армяне (в лице армянских историографов V–VII вв.), как они их интерпретируют, как создается общее для всех и одновременно особенное понимание этих эпизодов прошлого, как оно меняется со временем, каким целям служат воспоминания о прошлом.

Важные методологические разработки в плане «интеллектуальной истории» ведутся с конца 90-х гг. в ИВИ РАН, где выходит специализированное периодическое издание «Диалог со временем». Опираясь на концептуально-методологические положения научных поисков отечественных исследователей¹², необходимо получить ответ на следующие вопросы: как армяне позднеантичного периода представляли свое и «чужое» прошлое, осмысляя настоящее, закрепляя старые идеалы, поведенческие модели, а также героические образцы.

В ходе изучения проблемы использовался комплекс традиционных для антиковедов и медиевистов **методов** историко-филологического и научно-исторического анализа (*историко-генетический, историко-системный, историко-сравнительный, герменевтический метод, лексико-терминологический*), направленные, с одной стороны, на объективное истолкование текста, с другой – на максимальную реконструкцию событий и явлений истории армян и человечества в целом.

Поскольку большая часть корпуса исторических трудов армянских авторов заявленного времени на эксплицитном уровне лишена теоретических рассуждений, необходимо привлечь, кроме традиционных и общенаучных методов (*индукции, дедукции, анализа*), и некоторые другие методы изучения исторического сознания, в первую очередь *технику нарративного анализа*. Такой подход позволит обнаружить скрытое в тексте авторское видение и понимание истории, его отношение к описываемой эпохе, к тому или иному историческому персонажу, факту.

При анализе очерченных исторических источников диссертант будет исходить из того, что каждый из армянских авторов обладал определенным мировоззрением, историческим взглядом, конструировал собственный исторический нарратив, привлекая необходимый набор источников информации, согласно своим задачам и своему видению историописания. Такой подход, как справедливо замечает В.М. Тюленев, делает излишней традиционную критику «неаккуратности» позднеантичного историка в использовании им

¹² Репина Л.П. Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Одиссей. 1996. М., 1996. С. 25-38; *Она же*. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М.: ГУ ВШЭ, 2003; *Она же*. Междисциплинарность и история // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 11. М., 2004. С. 5-17; *Она же*. Память и историописание // История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени. М., 2006. – С. 19-46; *Она же*. Память о прошлом и истории // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2008. С. 7-18; Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М.: Дрофа, 2004; Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история. Т. 1: Конструирование прошлого. СПб.: Наука, 2003; Савельева И.М., Полетаев А.В. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого / Ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. М.: ГУ–ВШЭ, 2005. С. 170-220 и др.

работ своих предшественников, а также «ошибок», допущенных при выстраивании хронологии и последовательности событийной части¹³.

Выбор столь сложной для исследования проблемы и, вместе с этим, не менее простой методологической базы обусловил использование в работе ряда понятий и терминов, характерных для различных теорий нации и национализма, теории исторической памяти. В тексте диссертации используются такие понятия, как «народ», «общество», «интеллектуал», «система ценностей», «историческое сознание». Поскольку эти и многие другие определения, характеризующие современное общество, могут не работать для более ранних исторических периодов, в работе вкратце показано, в каком смысле и в каком контексте они употребляются в настоящем исследовании. Мы ограничимся лишь употреблением термина «народ» (армянский) и будем под этим словом понимать *группу людей, которые по происхождению, языку, нравам и обычаям, общим названием и т.д., или же только по какому-то одному из этих критериев обнаруживают некое единство независимо от того, связаны ли они между собой политически и отграничены ли они от остального мира*¹⁴.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Проведенное исследование позволяет по-иному взглянуть на историческое наследие первых армянских христианских историков. Достижения новой культурно-интеллектуальной истории, взятые в качестве теоретической основы исследования, дают возможность отказаться от устоявшихся в отношении рассматриваемых исторических трудов подходов фактографической истории и придать принципиальное значение анализу мировоззренческих установок авторов, концептуальных и историографических особенностей «Историй».

2. Порожденная актуальными потребностями конкретного общества на конкретном этапе своего развития, армянская историография V–VII вв. явилась серьезной попыткой освоить языческую и христианскую исторические традиции и адаптировать предшествующую традицию историописания для собственных нужд. Именно в период V–VII вв. сформировался круг наиболее авторитетных исторических сочинений, посвященных не только отдельным ключевым событиям собственной истории, но и целостной истории армянского народа с древнейших времен до современных событий.

3. Для взглядов выразителей армянского исторического сознания V–VII вв. характерны актуализация событийной истории, акцент на местных (локальных) фактах армянской истории, дидактизм, ментальный дуализм. В последнем выражалось не только сожаление о безвозвратной потере «золотого века», нарушении традиций, устоев и связей, цементирующих его (*пессимистическая линия* в армянском историописании), но и проявлялся взгляд на историю как движение к будущему спасению (*оптимистическая линия*).

¹³ Тюленев В.М. Возникновение и развитие латинской христианской историографии в IV – начале V века: дисс. ... д-ра ист. наук. СПб., 2004. С. 32.

¹⁴ Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи в 2-х т. Т. 2. С. 355.

4. Работа предлагает собственное решение проблемы жанровой специфики трудов армянских историков, поскольку проведенный анализ источников не позволяет вписать их в разработанные и существующие системы классификации жанров позднеантичной литературы. Ни один из устоявшихся жанров позднеантичной словесности не отображает в полной мере специфику самих исторических трудов армян. Применение комплексного подхода в выборе оптимального жанра позволило определить его как жанр исторической прозы с признаками форм и видов античной и общехристианской литературы.

5. Анализ сочинений армянских авторов позволяют высказать предположение о динамике развитии собственно армянского историописания на протяжении V–VII вв. Данное положение объясняется не только использованием новых концептуальных установок в произведениях, но и своеобразной трансформацией предметного поля «Историй» (от выделения социального мира как основного объекта исторического знания в V веке к божественной реальности и отражению земной истории как проявлению священной в VII веке), перестройкой системы авторского мировосприятия, трансформацией логики объяснения исторического процесса (при сохранении причинности за Богом в исторических сочинениях армянских авторов времен арабского завоевания все более редким становится обращение к человеческим деяниям как первопричинам истории).

6. Предпринятый анализ армянского историописания V–VII веков во многом позволяет взглянуть на «Истории» как способы и механизмы сохранения исторической памяти и формирования идентичности позднеантичного армянского общества.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его материалы и выводы могут быть использованы как специалистами для разработки проблем истории исторической мысли позднеантичного времени, так и исследователями по другим периодам всемирной истории для сравнительно-исторического анализа. Результаты работы могут также найти применение в учебном процессе при разработке общих и специальных курсов по проблемам формирования исторической памяти, осмысления прошлого в европейской культуре, изучения содержательных аспектов, практик историописания, идеологических систем и политических дискурсов в плане трансформации образов прошлого на материале исторических сочинений позднеантичного периода.

Специальность диссертации **соответствует шифру специальности 07.00.03** – всеобщая история (история древнего мира) согласно паспорту специальности, соответственно областям исследования областям исследования 2. История Древнего мира (история Античности), 8. История цивилизации, стран, народов, регионов; 19. Личность в истории. Персоналии; 20. История общественной мысли. Интеллектуальная история; 21. История культуры и образования.

Апробация научных результатов исследования. Диссертация обсуждена на заседании кафедры истории средневековых цивилизаций Нижегородского государственного университета и рекомендована к защите. Отдельные аспекты исследования и его концепция в целом были представлены на конференциях различных уровней, в т.ч. всероссийских и международных, проходивших в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Казани, Нижнем Новгороде, Саратове, Тамбове, Воронеже. Основные положения и результаты работы изложены в 17 публикациях автора общим объемом 7,2 п.л., в том числе в 5 публикациях в журналах, включенных в Перечень ВАК РФ.

Исследование проводилось при поддержке отечественных грантов: «Традиционные общества Средиземноморья в фокусе междисциплинарных исследований: кросскультурные коммуникации, историческая семасиология, мемориальная политика» (НИР, выполняемая по Заданию Минобрнауки РФ), № темы: Н-036-О. Руководитель: д.и.н., профессор А.В. Махлаюк (2011–2013); грант Министерства образования и науки РФ по проекту «Образы прошлого в историографических и политических дискурсах Западной Европы и России» (федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», мероприятие 1.2.1, соглашение №14.В37.21.0962). Руководитель: д.и.н., профессор А.В. Махлаюк (2012–2013); грант Министерства образования и науки РФ в рамках госзадания «“Общественный договор” в практиках политогенеза и преодоления социокультурных кризисов: исследования теоретических, историографических и мемориальных аспектов» (НИР, выполняемая по Заданию Минобрнауки РФ), № темы: Н-044-0. Руководитель: д.и.н., доцент А.А. Кузнецов (2012–2014); «Цивилизационные и кросс-культурные аспекты формирования римского мира в период перехода от республики к принципату» (Международный конкурс РГНФ – Государственный комитет по науке Министерства образования Республики Армения 2014). Руководитель: д.и.н., профессор А.В. Махлаюк (2014–2015).

Структура работы соответствует проблемно-хронологическому принципу и методу структурно-функционального анализа. Это позволило разделить по авторско-хронологическому принципу сложный объект исследования, в нашем случае феномен раннеармянской историографии, на составляющие, изучить отдельно каждый элемент этой системы и определить присущие ей специфические черты. Работа включает в себя введение, три главы, разделенных на параграфы, заключение, список использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновываются актуальность, научная новизна и практическая значимость диссертации, определяются объект и предмет исследования, поставлены цель и задачи, а также определяются методология и методы исследования.

Глава I. «Источники и историография» посвящена анализу источниковой базы исследования и историографии, в той или иной степени касающейся сочинений первых армянских авторов. В *первом параграфе «Источниковая база исследования»* систематизирован сам круг источников исследования. Проведенный анализ показал, что начальный период развития армянской историографии (V–VII вв. н.э.) представляет вполне компактная группа ортодоксальных авторов (Агатангехос, Павстос Бузанд, Егише, Мовсес Хоренаци, Лазар Парпеци, Себеос). Все они являлись армяноязычными авторами и творили на христианском Востоке, хорошо знакомы не только с сочинениями отцов Церкви, византийских историков-писателей, но и с античной традицией историописания. Главные особенности армянской исторической мысли, если не четко, то контурно определились уже в эпоху ее становления. Армянским произведениям присущи масштабность и широкий охват исторической жизни, зачастую выходящий за рамки общеармянских интересов, активное (деятельное) отношение к истории, тесная связь с фольклором, а также эмоциональное отношение к событиям и образам прошлого.

Во *втором параграфе «Историография вопроса»* проанализирован научный опыт, накопленный в современной арменистике по заявленной проблеме. Отмечается, что в научной литературе, как в западной, так и в отечественной, превалирует интерес к отдельным авторам. Историографический обзор показал наличие довольно большого опыта критического изучения исторических сочинений армян V–VII вв. Сама проблема становления традиции историописания, особенности исторических воззрений армянских писателей до сих пор остаются вне поля зрения специалистов, занимающихся изучением традиций историописания в рамках позднеантичного / раннехристианского мира. Следовательно, встает задача комплексного исследования трудов всех сохранившихся армянских историков V–VII вв. И, прежде всего, речь идет о судьбе главного элемента историографического жанра – исторической концепции, на основе которой мыслители выстраивали свою историческую аргументацию и на основе которой они конструировали свое историческое повествование.

Глава II. «Картина армянской истории и образы прошлого в исторических сочинениях армянских авторов V–VII вв.» посвящена анализу исторических представлений первых армянских авторов – Агатангехоса, Павстоса Бузанда, Егише, Лазаря Парпеци, Мовсеса Хоренаци, Себеоса. В той или иной форме у первых армянских историков можно обнаружить их стремление зафиксировать свое прошлое. До появления письменности фиксация ключевых событий истории происходила в рамках устной традиции. Пройдя соответствующее преломление сквозь призму христианства, сама идея истории в армянском понимании приобрела свои отличительные особенности. В главе последовательно рассматриваются принципы и подходы в формировании отдельного (авторского) исторического нарратива, выявляется круг значимых для каждого историка событий прошлого в процессе конструирования повествовательного текста.

Первый параграф «Образ эпохи Трдата Великого в трактовке Агатангехоса» во многом позволяет по-иному взглянуть на сочинение Агатангехоса, увидеть в текстовом пространстве труда не столько агиографическое повествование, сколько историческое. В центре внимания историка – главное действующее лицо в деле принятия христианства в качестве государственной религии (Трдат III), первый глава Армянской Церкви (Григорий) и образы рипсимянских мучениц. Именно вокруг этих персонажей, главным образом, и группируются ключевые идеи «Истории». Приводимые Агатангехосом факты *священной истории* говорят, с одной стороны, об утверждении христианства в Армении, с другой – рисуют картину постепенной подготовки почвы для возникновения независимой Армянской Церкви в обозримом будущем. *История светская* выбирает главной темой своего повествования – правление царя-язычника. Однако эти две сюжетные линии не получают своего дальнейшего параллельного развития, поскольку в определенный момент сталкиваются друг с другом. Кульминационной точкой столкновения между Священной историей и историей мирской является феномен мученичества, так ярко представленный на страницах сочинения.

Структура и содержание сочинения не позволяют говорить о том, что Агатангехос представляет на суд читателя историю универсальную, которая охватывала бы все историческое пространство и время. Его труд посвящен конкретному событию армянской истории, событию, определившему дальнейшее историческое развитие армянского народа. Его «История» линейна (она движется от грехопадения к торжеству христианской веры в Армении). Несмотря на то, что в тексте произведения фигурируют правители (Арташир), императоры (Диоклетиан, Константин Великий) соседних государств, история у Агатангехоса в большей своей части ограничивается пределами одного государства (Великой Армении) и событиями, связанными с судьбой армянского народа. Подчеркивание контактных зон Армении с Римской империей, Иберией, Кавказской Албанией, Кесарией Каппадокийской было, в первую очередь, вызвано стремлением армянского автора вписать свою страну в контекст христианской ойкумены, показать историю Армении и армянского народа как часть христианской истории. По всей вероятности, Агатангехос, исходил из мысли о трансцендентной природе Церкви и ее воплощении в разных христианских цивилизациях, в частности, в армянской цивилизационной среде. Повествование о Трдате, о принятии им христианства и крещении армянского народа, как мы уже отмечали – есть основное содержание «Истории». В мировоззренческой картине автора возвешение Божьего слова в Армении при Трдате означало, прежде всего, ее включение в план божественного домостроительства, евангелизацию различных культур (в том числе армянской), представленных элитой того или иного народа.

Второй параграф «История Армении глазами Павстоса Бузанда» показал особое место данного автора в ряду позднеантичных армянских историков-писателей. В его труде впервые в армянской историографической традиции мы сталкиваемся с последовательным изложением истории Армении и

армянского народа как истории событий. Автору максимально удается сконструировать образ истории, движущейся в определенном направлении, который кардинально отличается от картины, созданной, например, Агатангехосом. История для Павстоса насыщена событиями, взаимосвязанными друг с другом, ценна, достойна внимания, изучения и изображения. Обнаружение за историей многомерной событийной стороны (в этом он близок к Хоренаци, Себеосу) приводит автора к мысли о том, что для истинного понимания смысла исторической действительности необходимо развести светскую и церковную линии движения. Разделение описываемых событий и применение для их интерпретации различных концепций свидетельствуют о кардинальном переосмыслении Павстосом Бузандом объекта исторического (историко-церковного) исследования. Относительно пессимистическая концовка сочинения (потеря суверенитета Армении) не означает, что события, завершающие описываемую Бузандом историю, представлены в качестве некоего ключевого рубежа истории. История у этого автора имеет отдаленную перспективу.

В третьем параграфе «Философия армянской истории в «Слове о Войне Армянской» Егише: к оценке значимости ключевых событий истории армян V в. н.э.» подвергается анализу концепция еще одного армянского историка, обозначаются ее отличительные особенности. Отмечается, что Егише конструирует свой нарратив, используя известные ему сюжеты истории прошлого богоизбранного народа. Ветхозаветная история борьбы Маккавеев против Селевкидского царя Антиоха за свободу воспринимается Егише, так же как и весь библейский текст, как сакральная и значимая. Армянскому автору было важно показать общность судеб двух народов, представить своему читателю героический пример сопротивления и убедить армян в их праве на защиту своей свободы, в том числе религиозной. У историка добродетель армян отождествляется с защитой Церкви, а нечестивые поступки и злодеяния отдельных персонажей с отступничеством и сговором с Сатаной. Феномены отступничества и мученичества рассматриваются строго в общеармянском контексте. Церковь для Егише представляет собой не столько христианский мир в целом, сколько понимается автором в узком смысле и олицетворяет собой практику христианского вероучения в Армении. История Аварайрской войны является для Егише не только войной религиозной, но и борьбой армян за восстановление своей утерянной государственности. В своем повествовании армянский автор проводит четкое различие между духовными и светскими аспектами борьбы армян против персов, противопоставляет и сталкивает духовные ценности армян с материалистической философией зороастризма. Тезис о пропаганде и прославлении христианства как первостепенных задач автора подвергается критической оценке. Егише, скорее, преследует цель защитить христианское вероучение, наглядно показать, что защита ценностей истинной религии путем самопожертвования является более значимой, нежели жизнь без них. Главным действующим лицом у историка выступает христианская община Армении. Свобода религиозная, а в пер-

спективе и политическая, как показывает в своем повествовании историк, может быть достигнута лишь ценой великих жертв и страданий, в том числе и мученических.

Параграф четвертый «Концепция армянской истории Лазаря Парпеци» рассматривает исторические представления Лазаря Парпеци, «История» которого до сих пор недоступна русскоязычной аудитории в связи с отсутствием критического издания на русском языке. Исторический нарратив у Лазаря выстроен вокруг деятельности рода Мамиконянов, миссия которого заключалась, по мнению историка, в восстановлении церковного единства, а вместе с тем и политического. «История» Парпеци рождает удивительное понимание темы единства народа. У Лазаря феномен единения не ограничивается лишь только нахарарским сословием или совместными действиями нахараров и армянских католиков. Он осмыслен автором гораздо шире. В тексте сочинения мы видим, как *народ армянский* убеждает Ваана Мамиконяна возглавить сопротивление против Ирана, указывая герою на то, что последний стоит в присутствии *людей*¹⁵, которые являются «его родным народом и его родной кровью» (III. 66). Для Парпеци понятия «армянский народ» (*hay azg*) и «сообщество верных» (*ukht*) тождественны. Отдельным лейтмотивом «Истории» выступает тема единства интересов трех народов (Армении, Иверии, Алвании). В центре внимания Парпеци находятся две стороны жизни армянского общества V века: духовная (выразившаяся в создании армянской письменности, просветительской деятельности армянского духовенства) и политическая (которая нашла свое отражение в восстаниях 451 года и 481-484 годов). Лазарь, как и многие его предшественники, ставит своей целью изложение не целостной истории собственного народа, а повествование о событиях, хронологически близких ко времени его жизни. Для «Истории» Парпеци характерна линейность: автор представляет на суд читателя историю своего народа от раздела (387 г.) и падения Армянского царства (428 г.) до победы христианских армян над Сасанидами в Персидской части Армении, которая выразилась в расширении самоуправления. История народа не ограничивается у Парпеци пределами собственно одной из частей Армении. Последняя лишь видится Парпеци как символическое пространство, где должна была развернуться (а впоследствии и разворачиваться) собственная история родного народа: в типологическом отношении эта территория уподоблялась земному раю.

Пятый параграф «История Армении» Мовсеса Хоренаци как первый опыт изложения целостной истории Армении с древнейших времен» оценивает особую важность этого труда, связанную, в первую очередь, с попыткой репрезентации целостной картины прошлого, настоящего и обозримого будущего армянского народа. Отмечается, что интерпретация истории собственной страны представлена с точки зрения христианской философии исто-

¹⁵ Из сочинения Парпеци видно, что в восстании немаловажную роль сыграли и простые люди. Так, например, в битве при Нерсехапате рядом с воинами из знати сражались рамики (III. 62-65; 91-93). Особую роль в военных действиях играло и духовенство, сам католикос мог находиться в боевом отряде (III. 72-75).

рии. «Историю» Хоренаци можно условно разделить на две концептуальные части, в основе которых лежат две теории: регресса и прогресса. Первую модель истории можно представить в виде следующей схемы: хаос (всемирный потоп), божественное творчество, «золотой век», срединная история, конец истории (социальный хаос). Мовсес Хоренаци оценивает уничтожение «золотого века» как результат волевого акта человека. Вина целиком и полностью возлагается на людей. Говорить о каком-либо историческом детерминизме не приходится. Хоренаци связывает времена «внешнего благополучия и процветания» с серьезными отступлениями от исконных традиций и заветов *великих предков*. Этот же принцип у армянского автора будет положен в основу повествования и в заключительной части его «Истории»: времена испытаний и страданий народа будут сопровождаться религиозным и культурным процветанием. Все это лишний раз доказывает, что для Хоренаци чрезвычайно значимой оказывается именно дидактическая сторона истории. История Армении и армянского народа в данном случае рассматривается Хоренаци, с одной стороны, как результат нравственного падения народа. С другой стороны, подобная интерпретация событий призвана подчеркнуть необходимость прихода в мир фигуры Христа, единственного, кто мог бы остановить хаос и беспорядок. В оптимистической же линии, по сравнению с пессимистической, наблюдается ослабление тенденции жесткой предопределенности армянской истории. Культура, компенсируя политический упадок, становится стержнем, оплотом консолидации народа, гарантией будущего возрождения народа, а вместе с тем и независимого государства. На передний план выдвинута альтернативность истории, которая пробивает себе дорогу через идеи и поступки выдающихся исторических деятелей (проводников и последователей истинной веры). В каждой из двух концепций Хоренаци предложена своя система исторического объяснения. Такая эклектичность исторической концепции позволяет подчеркнуть, с одной стороны, выраженный пессимизм авторской теории – сожаление о безвозвратной потере «золотого века», нарушении традиций, устоев и связей, цементирующих его, а с другой, говорить об определенном оптимистическом взгляде на историю как движение к будущему спасению, представить позитивную логику исторического процесса.

Содержание *шестого параграфа «Интерпретация армянской истории Себеосом»* составляет анализ исторических воззрений Себеоса, автора VII века. Отмечается, что тесно связанная с ключевыми историческими эпизодами этого периода армянская историография предлагает совершенно новую интерпретации истории собственного народа. Делая одной из сюжетобразующих тем своей «Истории» византийско-иранские войны (в особенности, войну 602-628 гг.), Себеос показывает, что в результате «перерасдела» Закавказья значительно увеличился римский (византийский) сектор Армении. Объяснение причин происходящего, поиск истоков мирового конфликта историк находит как в самом человеке, так и в божественном вмешательстве. Выбирая своим главным предметом написание «политической истории», Се-

беос показывает, как в отношении Армении различные государства (царства, «звери») пытались установить собственную власть. Именно с этим, по всей вероятности, связан тот факт, что в качестве ядра своей концепции Себеос первым среди других армянских позднеантичных авторов выбирает теорию четырех империй. Сочинение Себеоса призвано было дать приемлемое объяснение ходу исторического процесса и согласовать сведения из ветхозаветной истории с судьбой своего народа, обосновать причастность своей этноконфессиональной группы христианской истине и, наконец, сделать акцент на том, что монофизитская община армян в лице Церкви, *не изменившая, не отколовшаяся, не отступившая, а преданная* вере святого Григория найдет свое исключительное место в определенной Богом истории Спасения.

Основное содержание *III главы («Специфика армянской исторической мысли V–VII вв.»)* составляет анализ типологических особенностей исторических произведений армянских авторов. В этой части работы предпринимается попытка сравнения исторических воззрений, выработанных в армянской историографии V–VII вв. и отражающих единство и разнообразие их мировоззренческих установок, рассматриваются вопросы возможного влияния на армянское историописание со стороны существующих историографических традиций, анализируются жанровые особенности, пространственно-временные особенности сочинений, принципы структурирования материала, модели историописания, предметное поле «Историй» и их назначения.

Первый параграф «Проблема жанровой принадлежности» посвящен анализу существующих классификаций позднеантичной литературы и попыткам вписать сочинения рассматриваемых армянских историков в одну из них. В первой части параграфа вкратце освещается досоветский и советский опыт изучения жанровой специфики армянских трудов. Рассматриваются точки зрения Ст. Назаряна¹⁶, М. Налбандяна¹⁷ и Ов. Гатрджяна¹⁸, Ст. Паласаняна¹⁹, Е. Дуряна²⁰ и Г. Зарбаналаяна²¹, Врт. Папазяна²², А. Замирян²³, М. Абега²⁴, К.А. Мелик-Оганджяна²⁵, К. Саркисяна²⁶ и др. В целом, специфика образцов раннеармянской исторической литературы позволяет серье-

¹⁶ Назарян Ст. Беглый взгляд на историю гайканской литературы до конца XIII века. Казань, 1844; *Он же*. Обозрение истории гайканской письменности в новейшие времена. Казань, 1846.

¹⁷ Налбандян М. Слово об армянской письменности...

¹⁸ Չարթրջյան Հ. Հայ գրականության պատմություն. Վենետիկ, 1857.

¹⁹ Պալասանյան Ստ. Հայ գրականության պատմություն. Իֆլիս, 1865.

²⁰ Դուրյան Ե. Հայ գրականության պատմություն. Կոնստանդնուպոլիս, 1865.

²¹ Չարթրջյան Գ. Հայ հին գրականության պատմություն. Վենետիկ, 1886.

²² Փափազյան Վ. Հայ գրականության պատմություն. Թիֆլիս, 1910.

²³ Չամիկյան Ա. Հայ գրականության պատմություն. Նախիջևան, 1914.

²⁴ Абега М.Х. История древнеармянской литературы. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1975.

²⁵ Мелик-Оганджян К.А. Страницы средневековой армянской прозы. Ереван, 1957.

²⁶ Sarkissian K. A Brief Introduction to Armenian Christian Literature. London: The Faith Press, 1960. P. 13-30.

езно усомниться в правомерности ряда суждений²⁷ и подходов части вышеупомянутых исследователей к определению жанровых особенностей текстов армянских интеллектуалов V–VII вв. Отмечается, что сочинения армянских авторов представляются слишком многоликими и разнообразными, и рассмотрение их в границах жанра «историй» в полной мере не отображает специфику исторических трудов. Одно из решений при выборе оптимального жанра, отражающего концептуальную и содержательную стороны сочинений, может заключаться в использовании комплексного подхода. Наиболее подходящим жанром и отражающим всю специфику историй-текстов армянских авторов является жанр *исторической прозы с признаками (элементами) форм и видов античной и общехристианской литературы* (агиография, эпистолярный материал, видения, жанр «церковной истории» и др.). Сама позднеантичная среда, в которой и зародилось армянское историописание, представляла собой синтез идей и смыслов двух макроэпох: с одной стороны, Античности на стадии заката, с другой – христианского Средневековья периода становления. Этим фактом во многом и объясняется сочетание в армянской историографической традиции как античных техник историописания, так и моделей христианского конструирования прошлого, настоящего и будущего.

Во *втором параграфе «Специфика структуры и композиционные приемы повествования»* поднимается вопрос об особенностях организации текстового пространства армянских «Историй». В данном параграфе показано, что в структуре рассмотренных трудов заметен некий общий исторический сценарий, в рамках которого судьба армянского народа ставится в прямую зависимость от их приверженности своей вере. Христианская (армянская) вера интерпретировалась историками как основная парадигма армянской идентичности, стержень их материальной и духовной культуры, а собственное государство осмысливалось как островок истинной веры среди моря различных ересей. Сюжетная схема произведений армянских авторов V–VII вв. содержит следующие основные компоненты: во-первых, кто в меньшей, кто в большей степени, но все без исключения исторические труды повествуют о «золотом веке» армянской истории, о доблестных и славных временах армянского государства; во-вторых, армянские историки отчетливо изображают факт нарушения этой гармонии силами извне, либо же внутренними ресурсами; в-третьих, тексты «Историй» содержат немало сведений о претерпеваемых армянами за веру и свободу страданиях, в результате которых народ одерживает либо победу (если сохраняет стойкость в вере), либо терпит поражение (в случае отступничества). События армянской истории, организованные в оригинальные (авторские) текстовые пространства и, как показал проведенный анализ, обладающие общей схемой сюжетопостроения, дали основания для написания двух разных сценариев истории армянского народа: оптимистического и пессимистического.

²⁷ Например: 1) значительная и важнейшая часть творчества армянских историков является больше патристичной, чем литературой, отрицание существования художественного начала в армянской словесности (Г. Зарбанальян); 2) тезис о сугубо религиозном содержании произведений (Врт. Папазян) и др.

В целом, перед нами предстают не столько индивидуальные (авторские) взгляды и смыслы конкретных историков-писателей, сколько выражение общего исторического сознания переломной эпохи. Главной исторической реальностью V века н.э., нашедшей свое отражение в трудах армянских авторов, стала окончательная гибель Армянского государства и падение династии Аршакидов. Именно с этой царской династией армянские историки сформировали свои представления о христианской стране, символическом культурном мире, который по некоторым критериям не только отличался от соседних государственных образований, но и противостоял им. Реалии армянской действительности V–VII вв. определили своеобразный вектор постижения мира и различные пути и направления моделирования истории. В ментальном дуализме армянской интеллектуальной среды V–VII вв. выражалось не только сожаление о безвозвратной потере «золотого века», нарушении традиций, устоев и связей, цементирующих его (пессимистическая линия), но и проявлялся взгляд на историю как движение к будущему спасению (оптимистическая линия). Пример армянской историографии позволяет вести речь о двух разных типах исторического сознания, не сменивших хронологически друг друга, а о сосуществующих на протяжении длительного времени.

Наконец, *третий параграф «Семантические и прагматические параметры исторических текстов армянских авторов»* посвящен исследованию выбранного историками предмета повествования, методики анализа событий, пространственно-временной картины прошлого, социальных функций и назначений подобного рода литературы. Отмечается, что армянская историческая литература V–VII вв. представляет собой пример постепенного перехода от одной традиции к другой. Этот факт во многом объясняется не только появлением качественно новых концептуальных установок в произведениях, но и своеобразной трансформацией предметного поля «Историй», изменением подхода к написанию и конструированию исторического текста, жанровой неоднозначностью и разнонаправленностью, перестройкой системы авторского мировосприятия. Наблюдаемый в VII в. «переворот» в области семантических и прагматических параметров не сопровождается полным отрицанием достижений предшествующей традиции историописания. Армянская историография времен арабских завоеваний развивает традиции армянских историков-классиков V в. и являет собой пример соединения (сочетания) разных тенденций исторической мысли с акцентом на утвердившиеся в армянской общественной среде положения христианской раннесредневековой историографии.

В заключении подводятся основные итоги работы, суммируются сделанные нами наблюдения и выводы.

Период V–VII вв. оказался важнейшим временем для судьбы армянской исторической мысли и связан как с рождением собственно армянской историографии, так и с периодом поиска позднеантичными авторами в условиях становления христианской культуры новых форм и способов конструирования исторического нарратива, выработки исторических концепций и их

приложения в авторских произведениях. Большая часть историков V в. многими нитями связана с античной культурной традицией. Зависимость Егише и Лазаря Парпеци от античного историописания проявилась в выборе предмета повествования. В исторических сочинениях эти авторы видели своей задачей написания той истории, очевидцами которой выступали сами. Другие писатели (Агатангехос, Павстос Бузанд), также ограничив свои тексты рамками локального сюжета, представили картину знаковых событий армянской истории недавнего прошлого. Вместе с этим авторы V в. не только подражают античным традициям, но и выступают родоначальниками христианского историописания в Армении. Агатангехос объединил в целостный рассказ сведения о ранних мучениках, миссионерской деятельности Григория Просветителя, его посвящении в качестве первого армянского епископа, становлении иерархии Армянской Церкви, а также рассказал о союзе, заключенном армянским правителем Трдатом с первым христианским императором Константином. Вероятное влияние на Павстоса Бузанда исторических концепций, распространенных в христианской среде (в частности, концепции Мелитона Сардийского), позволяют автору, с одной стороны, придать закономерность истории в целом, наделить исторический путь армян смыслом, с другой – обнаружить высшую логику в истории армянских правителей, согласно которой судьба руководителя Армянского царства определялась его отношением к христианству.

Армянские историки включают историю родного народа в контекст всемирной, обнаруживая единство между иудейским прошлым и собственным настоящим. Так, например, повествуя об истории противостояния армян и персов, кульминацией которого стало Аварайрское сражение 451 г., Егише подчеркивает связь религиозных (духовных) успехов иудеев и армян с периодом внешней опасности. В «Слове» мы впервые встречаем ярко выраженные авторские христианские установки. Восстановление церковного единства и жестокая борьба армян за сохранение собственной идентичности описываются также Лазарем Парпеци, правда, уже на материале событий 480-х гг. Темы единения народа, сопротивления армян персидской политике культурно-религиозной ассимиляции, защиты родных традиций и обычаев одинаково важны и актуальны для обоих авторов.

Попытка создать целостную картину уходящего своими корнями в древность прошлого и настоящего избранного армянского народа (по подобию иудейского) выделяет Мовсеса Хоренаци. основополагающей идеей исторической концепции этого автора стала идея о том, что армяне являются ровесниками древнейших народов, государственность армян образовалась вместе с первыми государствами, и, как следствие, ее восстановление (возрождение) – это естественное право армянского народа. Связь армянской историографической традиции с ключевыми событиями как собственной истории, так и истории соседних государств, продолжает сохраняться и на протяжении VII в. Однако интерпретация истории армян автором периода арабского нашествия осуществляется несколько в ином ключе. Себеос в основание

логики исторического развития первым в армянской историографии положил представление о переходе политической власти с запада на восток и теорию четырех империй. Себеос оказался самым последовательным сторонником христианской концепции написания истории. Идея Бога, управляющего миропорядком, пронизывает всю конструкцию текста исторического сочинения.

Сочинения армянских авторов весьма стройны и четко структурированы. Безусловно, эта особенность не случайна. В условиях потери старых ценностей и смыслов, историкам приходилось конструировать на обломках прежних новые образы. В сложившуюся эпоху «хаоса», каковой являлась современная всем без исключения армянским писателям среда, историческое повествование должно было стать максимально упорядоченным в концептуальном смысле, закрытым в структурном плане. Своеобразная гармония и миропорядок, утраченные на уровне обыденной жизни, армянские авторы, по возможности, пытались восстановить хотя бы на уровне нарратива. Восстановление ориентиров, расстановка акцентов и поиск ответов на ключевые вопросы – именно эти проблемы призвано было решать историографическое наследие армянских писателей. Взятые вместе действия армянской истории авторами слагаются в повествовательную конструкцию, которая приводит в систему общие представления армян о своей истории. В этом смысле историки, по всей видимости, преследовали цель сформировать у членов данного социума единое понимание их прошлого. Анализ исторических произведений армянских авторов V–VII вв. показал, что в центре основной «сюжетной линии» сочинений заключены представления армян о себе как об особой (отличной от других) группе общности. «Истории Армении», объединяющие в себе всю совокупность образов прошлого, тем самым, вносят существенный вклад в формирование идентичности народа, находящегося в процессе исторического развития, проходящего сквозь столетия из одной исторической эпохи в другую. Такая особенность схемы повествования армянских текстов во многом определила линейную модель восприятия времени.

Армянская историография V–VII вв., ставшая, с одной стороны, результатом теоретических поисков первых армянских авторов в области философии истории, с другой – использовавшая достижения античных и раннехристианских техник историописания, выработала ряд важнейших способов и принципов осмысления и объяснения исторических событий.

Работа по изучению специфики армянского историописания может быть продолжена на материале исторических сочинений позднейших авторов (Гевонда, Иоаннеса Драсханакертци, Товмы Арцруни, Мовсеса Каганкатвацци, Степаноса Таронечи и др.). Расширение источниковой базы во многом сделает перспективным исследование особенностей репрезентаций и интерпретаций знаковых событий армянской истории в сочинениях выбранных авторов, выявление процесса сохранения исторических знаний в течение довольно протяженного по времени периода развития армянской культуры (V–XI вв.). Рассмотрение таких вопросов, как передача знаний от одного историка к другому, пути и модели заимствования информации авторами друг у

друга, механизмы ее обработки, во многом позволит определить некоторые общие характерные черты и особенности традиции исторической памяти армян, а также роль исторических нарративов в формировании этой традиции.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Публикации в изданиях по списку ВАК РФ:

1. *Акопян, П.А.* Знаковые персонажи в «Истории Армении» Агатангехоса (Трдат и Григорий) / П.А. Акопян // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Вып. 3. 2012. С. 209-215 (авт. вклад 0,3 п.л.).

2. *Акопян, П.А.* «Расколота Армения» в V веке: поиск путей преодоления кризиса (на примере «Истории Армении» Павстоса Бузанда) / П.А. Акопян // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Вып. 3. Часть 3. 2012. С. 236-241 (0,3 п.л.).

3. *Акопян, П.А.* Историческая концепция Мовсеса Хоренаци / П.А. Акопян // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Вып. 4. Часть 3. 2013. С. 66-71 (0,4 п.л.).

4. *Акопян, П.А.* Римско-парфянский антиармянский союз конца 90-х гг. до н.э.: миф или реальность? / П.А. Акопян // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 4 (54): в 2-х ч. Ч. II. С. 21-23 (0,2 п.л.).

5. *Акопян, П.А.* Византийская империя в трактовке Себеоса / П.А. Акопян // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. № 1 (222). Вып. 37. Белгород, 2016. С. 41-46 (0,4 п.л.).

Публикации в других изданиях:

6. *Акопян П.А.* К вопросу о происхождении армянского народа / П.А. Акопян // Наш «Анабасис». Сборник статей студентов, магистрантов и аспирантов. Вып. 6-7. Н. Новгород: ННГУ, 2009. С. 89-95 (0,4 п.л.).

7. *Акопян П.А.* Тигран II Великий и Митридат VI Евпатор: к характеристике взаимоотношений двух царей (89-71 гг. до н.э.) / П.А. Акопян // Образ прошлого: историческое сознание и его эволюция: Материалы научной конференции молодых ученых. Вып. 3 / Научн. ред. Ю.В. Селезнев. Воронеж: Истоки, 2011. С. 27-30 (0,2 п.л.).

8. *Акопян П.А.* Великая Армения и Парфия (87-56 гг. до н.э.): к характеристике взаимоотношений двух держав / П.А. Акопян // Наука и современность – 2011: сборник материалов XI МНПК / Под общ. ред. С.С. Чернова. Новосибирск: НГТУ, 2011. С. 52-58 (0,3 п.л.).

9. *Акопян П.А.* «Армянский вопрос» на римско-парфянских переговорах 92 г. до н.э. / П.А. Акопян // ANTIQUITAS IVVENTAE: Сборник научных трудов студентов и аспирантов. Саратов: ИЦ «Наука», 2011. С. 110-112 (0,2 п.л.).

10. *Акопян П.А.* Образ идеального полководца в ранней армянской историографии (на примере «Истории Армении» Павстоса Бузанда) / П.А. Акопян // XVII нижегородская сессия молодых ученых. Гуманитарные науки. Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2012. С. 228-230 (0,2 п.л.).

11. *Акопян П.А.* Армянские святители в «Истории Армении» Павстоса Бузанда / П.А. Акопян // Молодежь. Наука. Будущее: технологии и проекты: материалы МНПК молодых ученых и специалистов: в 3 т. Т. 3. Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2012. С. 17-19 (0,2 п.л.).

12. *Акопян, П.А.* Краткий историографический обзор изучения армянской исторической традиции (V-VII вв.) в отечественной и зарубежной историографии / П.А. Акопян // НАИРИ: Альманах. Сборник материалов об Армении и армянской диаспоре. Вып. 6. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2013. С. 139-153 (0,7 п.л.).

13. *Акопян, П.А.* Идея согласия церковной и государственной власти в «Истории Армении» Павстоса Бузанда / П.А. Акопян // Историк в историческом и историографическом времени: Материалы Международного форума, посвященного 100-летию со дня рождения проф. А.С. Шофмана; Казань, 13-15 ноября 2013 г. / Сост. и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. Казань: Изд-во «Яз», 2013. С. 178-179 (0,1 п.л.).

14. *Акопян П.А.* История Армении в трактовке Мовсеса Хоренаци / П.А. Акопян // XVIII нижегородская сессия молодых ученых. Гуманитарные науки. 22-25 октября 2013 г. Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2013. С. 193-196 (0,2 п.л.).

15. *Акопян, П.А.* Армянская действительность IV-V вв. и модели общественного устройства: к поиску образца (на примере исторических сочинений Агатангелоса, Павстоса Бузанда и Мовсеса Хоренаци) / П.А. Акопян // Христианская церковь и социокультурные кризисы Восточной Европы: Сборник научных трудов. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2014. С. 7-16 (0,4 п.л.).

16. *Акопян, П.А.* Эволюция армяно-парфянских отношений при Тигране II Великом (87-56 гг. до н.э.) / П.А. Акопян // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. М.: Литера, 2015. №2(73). Ч. 1. С. 105-108 (0,2 п.л.).

17. *Акопян, П.А.* Позднеантичная армянская историография: к вопросу о предмете исторических сочинений армянских авторов V-VII веков / П.А. Акопян // CURSOR MUNDI: Человек Античности, Средневековья и Возрождения. Вып. 8. Иваново, 2016 (0,3 п.л.).